

Текст · 22 июня 2026, 16:18

Алла Константинова,

«Поздравляю, поедешь на СВО». Грузчик из Пензенской области — о том, как его поймали на улице, обманули и отправили на войну

Пензенским властям не повезло: одну из последних облав на мужчин в регионе засняли на видео их взбешенные жены. После того как ролик с насильственной отправкой на войну разошелся по соцсетям, местному военкому, полиции и даже Минобороны пришлось экстренно оправдываться и называть завирусившееся видео «фейком». Но, судя по всему, облавы в Пензенской области продолжаются уже как минимум полгода. «Медиазона» поговорила с 51-летним грузчиком Владимиром Подковыркиным из Сурска, которого еще в ноябре 2025 года схватили возле дома, отвезли в пункт отбора на военную службу и точно так же, одним днем, отправили на войну в Украину.

«Засучивал рукава: "Подписывай давай"». Контракт по принуждению

Случилось все 24 ноября 2025 года. Я в тот день находился дома в Сурске. Друг меня попросил, чтобы я сходил маму его покормил, она лежащая была, не ходила. Он на работу ушел, а я второй день в отпуске был, согласился.

Часов в десять утра я вышел из дома, на дороге стояла машина. В ней были наш участковый и второй человек, он мне представился, что он с

военкомата. Меня увидели и подошли, попросили показать паспорт и военный билет.

Я вынес паспорт, показал. Мне сказали, что у меня в нем штампа о воинском учете нету, хотя он там и не должен быть, его ни у кого нет. Тогда они сказали, что мне нужно в военкомат ехать, ставить этот штамп. Я сказал, что сейчас мне некогда, иду кормить женщину знакомую, завтра съезжу. Мне сказали: «Нет, нужно сегодня ехать, отвезут тебя туда и назад. А то вы все так говорите, что поедете, а сами не едете».

Ну, так как он представитель власти, я оделся да поехал. Меня привезли в Пензу, в этот пункт отбора на военную службу по контракту на Белинского^[1].

Там у меня сразу забрали телефон, военный билет, паспорт. И в отдельный кабинет отвели.

Там сотрудник был молодой, я его не знаю. Он мне говорил, что уже вечер и что я его [на работе] задерживаю, говорил: «Давай подписывай, это не [контракт] на СВО, это на воинский учет сейчас ставят вот так, через компьютер». Говорит, просто на воинский учет тебя поставят, и все. Силу не применял, но вел себя агрессивно, засучивал рукава: «Подписывай давай». А на документах вообще ничего не было написано, пустые бланки были. Я не подписывал, но меня вот так дальше давили. Ну, я подписал. Он сказал мне: «Поздравляю, поедешь на СВО. Иди во двор».

Меня вывели во двор, там уже 20 человек находилось. Я пытался обратно в здание войти, хотел, чтобы мне объяснили, что происходит, но со мной никто не хотел общаться. Вытурили, сказали: «Иди, жди там».

И те, кто во дворе стояли, они тоже ничего не знали, не знали вообще. Их на улице позабирали, даже у кого не было ни военного билета с собой, ни карты, ни паспорта. Все эти документы в течение получаса делались. Им новые документы выдавали.

Держали нас там до вечера, уже стемнело, холодно было. Часов шесть там провели точно. Я ходил туда-сюда, у меня психоз был. Один [мужчина] телефон сумел пронести, пытались его родственникам позвонить с этого телефона и в военную прокуратуру. Но из здания выбежали двое крепких военных, телефон нашли и побили его, кулаками били. Этот человек потом с нами в Ростов поехал, но, вроде бы, его обратно отправили в Пензу — он пожаловался на геморрой, что ли.

Еще один человек стоял с нами, он переживал очень, сказал, что не подписал ничего. И вот нас усадили, а он остался. Не знаю, что с ним потом было.

Нас в итоге посадили в «Газель» и повезли на Ростов. С нами был один человек в военной форме, он документы вез. Уже в автобусе дали телефоны, я другу позвонил. Потому что у меня и его ключи от дома были, я же должен был к маме его сходить. Каждый звонил своим родным, поэтому мы [между собой] как-то не общались.

«Отсидись немного и ползи к себе». Штурм и ранение

Ехали долго, по пути нас не кормили, воду не выдавали. Пару раз сделали остановку покурить и что-то купить, если у кого деньги были.

Я не служил никогда, никакую медкомиссию не проходил. А вот когда уже нас привезли в Ростов и одевали там, нам дали личное дело — быстренько дали, на десять минут. Я посмотрел, а у меня там медкомиссия пройдена, мол, я годен полностью. Там же я прочитал, на сколько у меня контракт, год было написано.

Привезли в какую-то точку в Ростове, может, какая-то военная часть это была. Другим автобусом дальше отправили. В какой-то город, не помню, как называется. Там уже стреляли, и все такое. И вот потом я попал... В лесу находилась наша часть.

Владимир Подковыркин. Фото: alter-pnz.ru

Там мы две недели учебы проходили. Документы у нас в этой части хранились, телефоны тоже частенько забирали, чтобы мы лишнюю информацию не говорили, домой не звонили.

Учили стрелять, окопы копать, такое вот. Давали оружие, до этого я его никогда в руках не держал. Я и чистить его не мог — не знал, как оно разбирается.

Я подходил к замполиту (фамилию нам его не говорили, все только по позывным), объяснял, как меня [незаконно] забрали. Замполит говорил, что отправил мое заявление в военную прокуратуру, жди результата. Ответов мне туда не приходило.

Еще один человек со мной был, мы вместе писали рапорты. Но потом он что-то затрусил, боялся, что бить будут. И перестал писать. А я вот до последнего писал — и сейчас пишу. А он забоялся.

В части сразу же у меня потерялся военный билет. Я спросил [у военных], где он. Они говорят: «А мы не знаем, это ты его потерял». Может, он сразу у них потерялся потому, что там было написано, что я не служил... Не знаю, куда он делся.

Фото предоставлено Владимиром Подковыркиным

В общем, ровно через две недели, под Новый год^[2], уже на боевое задание меня отправили. В ДНР^[3] мы тогда находились. Мы с напарником в штурмовой группе

были, в закреплении. Выкопали укрытие. Напарника сильно ранило в руку и в ногу, но никто нас оттуда не эвакуировал. Никому мы не нужны были.

Провели мы так полторы недели где-то, я ему все перевязывал, помогал ему. У нас не было воды. Ну куда, думаю, он пойдет? Я пошел за водой, возвращался, и на меня дрон налетел. Я успел за дерево спрятаться, а ногу как-то выставил, видать, и меня в ногу ранило. В итоге осколочное ранение, перебитые пальцы. В госпитале полтора месяца пролежал, до сих пор хромаю.

В какой-то момент нам надо было генератор забрать. Он говорил: «Я не могу [за ним] никак вообще идти». Ну, а я тоже один его не донесу, и вот он потихоньку с палочкой шел туда, я сзади него тоже с палочкой шел. И дроном его тогда убило. Его разорвало, я увидел это. Я в камыши спрятался, сразу доложил. Мне сказали: отсидись немного и ползи к себе опять туда. И я вот три дня там один сидел.

Потом ко мне прислали еще человека. Он должен со мной был там дальше продолжать сидеть. Про ранение мне сказали, что оно несерьезное.

Позже, после полутора месяцев в госпиталях, Подковыркина отправили на месяц в отпуск по ранению. В марте у мужчины начались резкие боли в сердце — в пензенском военном госпитале он пролежал еще две недели с диагнозом «ишемическая болезнь сердца, стенокардия, гипертония». Однако после выписки боли только

усилились: в апреле Подковыркину пришлось вызывать скорую.

В приемной Кузнецкой городской больницы, куда его привезли, Подковыркина осмотрел кардиолог, но в госпитализации ему отказали. «Потому что я "свошник"», — говорит Подковыркин. Обратно в Сурск мужчина добирался на автобусе. После того как об ухудшении здоровья Подковыркина написало пензенское издание «Альтер Пенза», в поликлинике Городища ему выдали направление в кардиологический центр Пензы.

Воды у нас не было, если снег найдешь — поешь. А так... Приносили на дня три хлеб какой-нибудь черствый... Неделю где-то я лежал раненый.

Дальше в рацию передали, что «отходим» — ну вот я и отходил так, с палочкой. По лесополкам^[4], пока назад шел, приходилось убегать от дронов.

Дошел до медчасти: это маленький домик, одна палата, один медработник. Потом меня направили по госпиталям — и так я туда попал на полтора месяца с этой ногой. Последним был ростовский госпиталь.

Позже мне дали направление в кардиологический центр в Пензе, а там меня не принимают, потому что я «свошник». Сказали, езжай в часть, пускай либо направление дадут, либо лечат в госпитале своем. А я в часть уеду — и все, меня обратно отправят.

Сейчас я дома, в Сурске. На все мои обращения мне отвечают, что никто меня [принудительно на фронт] не забирал, что я сам приехал с готовой медкомиссией и сказал: «Отправьте меня на "СВО"». А мне это

вообще не надо было. У меня нормальная работа была, нормальная зарплата, квартиру [в Сурске] купил. Я не собирался туда даже.

16 марта 2026 года Подковыркин обратился в следственное управление Следственного комитета по Пензенской области с требованием расследовать обстоятельства его похищения и насильственной отправки на войну.

Ответ за подписью следователя Аксенова пришел только 10 июня. В нем говорится, что Подковыркин заключил контракт с Минобороны добровольно, предварительно пройдя «профессиональный отбор, психологические исследования, военно-врачебную комиссию и личную беседу».

«Какого-либо давления со стороны должностных лиц пункта отбора на кандидата при проведении мероприятий отбора не допускается», — заключает Аксенов.

На обращения в военную прокуратуру и уполномоченному по правам человека Подковыркину тоже пришли отписки.

Редактор: Мария Климова

1. Улица Белинского, 4.
2. На боевое задание Подковыркина отправили 20 декабря 2025 года.
3. Подковыркин воевал под поселком Разино в Покровском районе Донецкой области.
4. Военный сленг, означающий лесополосу.